

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Д.П. Миртов

**Речь перед защитой диссертации:
"Нравственное учение Климента
Александрийского"**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1900. № 7. С. 130-142.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

РѢЧЬ

ПРЕДЪ ЗАЩИТОЮ ДИССЕРТАЦИИ: „НРАВСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО“.

НРАВСТВЕННОЕ ученіе Климента Александрійскаго представляет собою своеобразное и во многихъ отношеніяхъ достойное любознательнаго вниманія явленіе въ исторіи церковно-христіанской мысли. Климентъ предпринялъ опытъ изложить христіанское нравоученіе въ формѣ понятій языческой философіи, и такъ какъ естественнымъ путемъ для этого служило сближеніе того, что казалось сроднымъ въ философіи и Откровеніи, то предпринятый опытъ далъ въ результатъ величественное созданіе мысли, въ которомъ съ евангельскимъ нравоученіемъ объединяется все, что представлялось высокаго въ философской морали, въ которомъ все, въ чемъ видѣлъ благо, добродѣтель, совершенство, идеаль міръ языческій, переносится на христіанскую почву, получая здѣсь освѣщеніе, восполненіе и очищеніе. Поэтому существенное значеніе для пониманія ученія Климента имѣетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся философія и христіанство, которыя онъ думаетъ объединить. Первымъ вопросомъ для учителя церкви, выступившаго съ такой задачей, былъ вопросъ: возможно-ли и допустило-ли подобное объединеніе философскаго и христіанскаго ученія, если первое—плодъ естественной человѣческой мысли, а послѣднее—даръ чрезвычайнаго Откровенія? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Клименту мысль, съ особенною охотою и настойчивостью

проводимая имъ въ своихъ твореніяхъ, о Логосѣ, Сынѣ Божіемъ, какъ Промыслителѣ-Воспитателѣ всего человѣчества. Прежде чѣмъ явиться во плоти для искупленія людей, Онъ готовлялъ весь до-христіанскій міръ къ Своему явленію, даровавъ іудеямъ законъ, а эллинамъ философію. Законъ и философія суть только двѣ различныя формы одного и того же спасительнаго завѣта, который отъ сложенія міра дошелъ до насъ и который въ различныя времена былъ дарованъ различнымъ народамъ и потому самъ представляется различнымъ. Въ новое время данъ новый завѣтъ, въ древнее—древній, коего формами были законъ и философія: законъ готовлялъ іудеевъ ко Христу и новому завѣту, а философія—эллиновъ. И чрезъ это, прежде всего, разрушается средостѣніе, отдѣляющее іудея отъ эллина въ особый народъ, такъ какъ оба приходятъ въ единство вѣры и изъ обоихъ дѣлается одно избраніе; а затѣмъ, и третій народъ, т. е. христіане, сближается съ двумя первыми: всѣ три народа, говоритъ Климентъ, не раздѣляются временемъ такъ, какъ будто бы каждый изъ нихъ имѣлъ особую природу, но воспитываются различными только завѣтами—глаголомъ Единаго Господа, ибо Господь по истинѣ Единъ ¹⁾). Итакъ, и Откровеніе (какъ ветхозавѣтное, такъ и новозавѣтное) и философія имѣютъ свой первоисточникъ въ Господѣ или Логосѣ, общемъ Воспитателѣ всего человѣчества ²⁾), и Источникъ истиннаго вѣдѣнія: [Логосъ—свѣтъ, сіяющій на всѣхъ людей, солнце души, которое одно только, возсіявъ въ глубинѣ ума, просвѣщаетъ и око самого ума ³⁾]]. Устанавливая такой взглядъ, Климентъ создаетъ благопріятную почву для объединенія ученій философскаго и христіанскаго.

Но сближая философію и Откровеніе, Климентъ не упускаетъ изъ виду существеннаго различія между ними, прежде всего, по происхожденію (Откровеніе—новозавѣтное и ветхозавѣтное происходитъ отъ Бога непосредственно, а философія—посредственно ⁴⁾), а, затѣмъ,—что гораздо важнѣе,—по содержанію. Въ Откровеніи полная истина, въ различныхъ же ученіяхъ философіи только части ея: одни изъ этихъ уче-

¹⁾ Str. VI. 13. 793. 1. 5. 331. VI. 5 761. 779.

²⁾ Paed. III. 12. 310; 1. 7. 132.

³⁾ Col. XI. 72. VI. 59.

⁴⁾ Str. I. 5. 331. 7. 337; VI. 17. 820.

ній имѣютъ не мало отъ Логоса истины, другія—только нѣ-которую долю. Но всѣ такія сѣмена свои, хотя бы они пали на чуждую почву, истина въ собственномъ смыслѣ, какъ она дана въ Откровеніи, можетъ собрать и соединить, ибо при свѣтѣ ея, какъ при свѣтѣ солнца, обнаруживается, что въ философіи истинно и и что ложно ¹⁾.

Если въ ученіяхъ философовъ содержатся только частицы истины, то имя истинной философіи принадлежитъ не отдѣльнымъ философскимъ школамъ, а тому, что есть истиннаго у всѣхъ ихъ. Подъ философіею, говоритъ Климентъ, я разумѣю не стоическую, не платоновскую, не эпикурейскую, не аристотелевскую философію, но то, что есть прекраснаго въ каждой изъ этихъ школъ, что научаетъ справедливости и благочестивому знанію,—все это, выбранное изъ разныхъ школъ и соединенное вмѣстѣ, я называю философіею ²⁾. Нормою при такомъ выборѣ, конечно, служить Откровенная истина, которая, какъ сказано, проливаетъ свѣтъ на ученіе философское, опредѣляя, что въ немъ есть истиннаго и сроднаго ей и что ложнаго. Откровенное ученіе заключается въ Св. Писаніи. Но чтобы Писаніе могло служить основой для такого эклектизма, оно само должно быть надлежащимъ образомъ истолковано и понято. Климентъ порицаетъ еретиковъ за неправильное и произвольное толкованіе Писаній ³⁾ и самъ указываетъ правила, которыя необходимо соблюдать каждому желающему найти ихъ истинный смыслъ. Нужно держаться церковнаго канона, который есть «согласіе закона и пророковъ съ завѣтомъ, даннымъ Господомъ въ Его пришествіе» ⁴⁾ и, слѣдовательно, при объясненіи извѣстныхъ мѣстъ, нужно имѣть въ виду не только контекстъ рѣчи, но все вообще Писаніе и такимъ образомъ менѣе ясныя мѣста истолковывать на основаніи болѣе ясныхъ; наше толкованіе должно быть въ соотвѣтствіи съ понятіемъ Вседержителя Бога ⁵⁾ и согласно съ церковнымъ Преданіемъ ⁶⁾. Болѣе глубокое разумѣніе Св. Писанія достигается при аллегорическомъ изъ-

¹⁾ Str. I. 13. 348; VI. 10. 781.

²⁾ Ibid. I. 7. 388.

³⁾ Ibid. III. 4. 529; VII. 16. 891.

⁴⁾ Ibid. VI. 15. 803.

⁵⁾ Ibid. VI. 16. 891.

⁶⁾ Ibid. 890.

ясненія его, которое также не произвольно, но подчинено канону особаго, таинственнаго, гностическаго Преданія ¹⁾.

Итакъ, Климентъ и утверждаетъ возможность объединенія греческой философіи съ Откровеніемъ, и опредѣляетъ условія, при которыхъ это объединеніе можетъ быть плодотворнымъ и для вѣры и для знанія. А въ своемъ нравственномъ ученіи онъ дѣлаетъ и опытъ эклектическаго построенія на установленныхъ имъ принципахъ: онъ ищетъ въ этикѣ языческой философіи того, что сродно съ христіанскимъ правоученіемъ, сближаетъ понятія и положенія христіанскія съ философскимъ, первыя выражаетъ въ формѣ послѣднихъ, послѣднимъ придаетъ содержаніе и смыслъ первыхъ. Конечно, подобная операція требуетъ величайшей осторожности и осмотрительности, чтобы не перемѣшать ролей философіи и Откровенія и, вмѣсто того, чтобы по нормѣ откровеннаго ученія дѣлать выборъ и разъясненіе положеній философскихъ, смысла самаго этого ученія не расширить въ чуждомъ ему, навѣянномъ философіею, духѣ, — опасность, которой трудно избѣгнуть, особенно уму, философски-воспитанному, каковъ былъ Климентъ. Естественно, если и по отношенію къ нему ставится вопросъ: остается ли онъ дѣйствительно вѣренъ своимъ принципамъ соглашенія философіи съ вѣрой? Дѣйствительно-ли постоянною нормою для объединенія философіи съ Откровеніемъ служить у него это послѣднее? Не даетъ ли онъ философскому элементу больше мѣста, сравнительно съ христіанскимъ, чѣмъ надлежитъ по его же принципамъ?

При рѣшеніи этого вопроса изслѣдователи расходятся: по мнѣнію однихъ, Климентъ остается вполне вѣренъ своимъ принципамъ ²⁾, по мнѣнію другихъ, наоборотъ все міровоззрѣніи Климента только по формѣ христіанское, а по содержанію заимствовано изъ греческой философіи ³⁾; третьи утверждаютъ, что философія и Откровеніе поровну дѣлятъ власть надъ мыслью Климентъ ⁴⁾; есть, наконецъ, многіе, которые примыкаютъ къ этимъ тремъ, различнымъ образомъ ихъ ограничивая, смягчая и отбывая ⁵⁾.

¹⁾ Str. I. 1. 324. VI. 15. 806.

²⁾ Codnat, Βασιλική.

³⁾ Merk; Ziedert.

⁴⁾ Winter. Faye.

⁵⁾ Dalhne, Keutera haemoner, Suerike и др.

Должно поставить на видъ, при рѣшеніи этого вопроса, прежде всего, то, что въ лицѣ Климента мы имѣемъ предъ собою искренно убѣжденнаго христіанина, который обратился въ новую вѣру, ясно сознавъ неудовлетворительность стараго, которое онъ оставляетъ, и спасительность новаго, къ которому переходить. «Да, мы больны и нуждаемся въ Спасителѣ, мы заблудились и нуждаемся въ Проводникѣ, мы слѣпы и нуждаемся въ Путеводителѣ къ свѣту, мы жаждемъ и нуждаемся въ Источникѣ жизненномъ, причастившіеся Коего уже не враждуютъ: мертвые, мы нуждаемся въ Жизни, овцы—въ Пастырѣ, дѣти, — въ Воспитателѣ, а все человѣчество—въ Иисусѣ, дабы не впасть намъ въ осужденіе, если до конца пребудемъ безъ руководства и во грѣхахъ, но быть отдѣльными отъ плевелъ и собранными въ Отчую житницу» ¹⁾. Вотъ выводъ, къ которому пришелъ Климентъ, принявъ христіанскую вѣру и смотря, при свѣтѣ ея, назадъ, на духовное состояніе язычника. Это искренняя исповѣдь человѣка, пережившаго великій нравственный кризисъ, дающаго себѣ сознательный отчетъ въ прошломъ, которое онъ оставилъ и въ настоящемъ, которое приобрѣлъ. Естественно, что и преклоненіе предъ христіанскою истиною и умаленіе предъ нею мудрости философской имѣетъ въ его устахъ совсѣмъ другую цѣну, чѣмъ подчиненіе философіи богословію, дѣлаемое изъ какихъ-либо стороннихъ побужденій. Если Климентъ говоритъ, что хотя философія стремится найти истину и постигнуть природу сущаго, но истина въ Господѣ, какъ Онъ и сказалъ о Себѣ: «Я есмь истина» (Іоан. XIV, 6) ²⁾, что для спасенія необходимо научиться истинѣ отъ Христа, хотя бы кто и достигъ философіи ³⁾, — то для него это было самымъ достовѣрнымъ фактомъ его внутренней жизни, а не одними словами: отречься отъ этого признанія для него значило бы зачеркнуть все, что онъ чувствовалъ и чѣмъ жилъ.

Конечно, это говоритъ за то, что Климентъ не могъ сознательно нарушать поставленныхъ имъ принциповъ объединенія философіи съ Откровеніемъ; но ничто не препятствуетъ, предположить возможность несознательнаго увлеченія философіей, [которая «претворилась у него въ плоть и кровь» и

¹⁾ Paed. 1. 9. 149.

²⁾ Str. 1. 5. 335.

³⁾ Ibid. V. 13. 698.

«по обращеніи въ христіанство держала его въ своихъ оковахъ»]: воображая, что излагаетъ ученіе христіанское, Климентъ, по словамъ одного изслѣдователя ¹⁾, только обманывалъ себя: это было, окрашенное въ христіанскую краску ученіе философіи. Психологически подобное предположеніе весьма возможно, но къ Клименту оно должно быть примѣнено съ большимъ ограниченіемъ. Писатель, литературные труды котораго имѣли въ виду оппозицію заблужденіямъ языческой мудрости у философовъ и произвольному смѣшенію ея съ христіанскою у лжегностиковъ скорѣе всюду находилъ для себя поводъ остерегаться самообмана и несознательнаго увлеченія философію, чѣмъ впадать въ него. Ревнитель сознательности въ усвоеніи христіанскихъ истинъ и осуществленіи ихъ, нравоучитель, выдѣляющійся глубокимъ знаніемъ человѣческой души, ея скрытыхъ мотивовъ и движеній, не могъ не быть строгимъ самонаблюдателемъ въ области своихъ чувствъ и мыслей, особенно по существеннымъ для него вопросамъ.

Такимъ образомъ, стоя на почвѣ предположеній, мы приходимъ ближе всего къ той мысли, что Климентъ долженъ былъ вѣрно слѣдовать поставленнымъ имъ принципамъ объединенія откровенія и философіи и если уклоняется отъ нихъ, то причину этого нужно искать въ особыхъ обстоятельствахъ. Но этому выводу не противорѣчитъ собственно и содержаніе его нравственнаго ученія. Если нѣкоторые изслѣдователи изъ фактическаго знакомства съ нравственными воззрѣніями Климента заключаютъ, что онъ является въ нихъ болѣе (или столько же) философомъ, чѣмъ (или сколько) христіанскимъ учителемъ, то они упускаютъ изъ виду особый характеръ, планъ и тенденціи тѣхъ твореній Климента, которыя являются главнымъ источникомъ для насъ въ настоящемъ случаѣ: *Cohortatio*, *Paedagogus* и *Stromata*.

Эти три творенія представляютъ собою одно цѣлое: они внутренне связаны между собою одною идеею—идеею постепеннаго воспитанія человѣка къ нравственному совершенству, которое состоитъ въ богоподобіи, и къ достигаемому чрезъ богоподобіе, блаженству, иначе—идеею постепеннаго богоуподобленія или, выражаясь терминомъ самого Климента, богочитанія (*θεοσέβεια*), ибо чтить Бога, говорить александрій-

¹⁾ Ziegert. 6.

скій пресвитеръ, можно только уподобляясь Ему ¹⁾). *Coh.* называется у Климента путеводителемъ къ богопочитанію ²⁾), потому что оно увѣщеваетъ отречься отъ прежней жизни и вѣроваій и увѣровать во Христа, перейти отъ ἀσέβεια къ θεοσέβεια; *Paed.* воспитываетъ увѣровавшихъ на начальной ступени богопочитанія ³⁾); *Str.* трактуютъ о высшей его ступени, научная гносису или вѣдѣнію и показывая, что истиннымъ читателямъ Бога является гностикъ ⁴⁾).

Такимъ образомъ, нравственное ученіе Климента Александрійскаго представлено имъ въ видѣ системы нравственнаго воспитанія, и это необходимо принимать въ соображеніе при сужденіи и вообще о единствѣ и послѣдовательности нравственнаго міровоззрѣнія христіанскаго философа и, въ частности, о степени зависимости его отъ языческой философіи. Есть различіе между системою нравственнаго ученія и системою нравственнаго воспитанія. Можетъ быть дана система нравственнаго ученія, но, при этомъ, не указаны могутъ быть пути нравственнаго воспитанія. Но кто излагаетъ систему нравственнаго воспитанія, тотъ долженъ высказывать и свои этическіе взгляды въ ихъ примѣненіи къ воспитанію. Способъ выраженія и порядокъ изложенія этихъ взглядовъ будетъ обуславливаться въ такомъ случаѣ не содержаніемъ ихъ, какъ въ системѣ этики, а причинами болѣе или менѣе внѣшняго характера: примѣнительно къ той или другой ступени, къ тому или другому факту воспитанія, къ тѣмъ или другимъ запросамъ жизни высказываются, притомъ, высказываются въ вызываемой данными обстоятельствами формѣ, тѣ или другія положенія этики. Если между ними не наблюдается желательной для насъ логической связи, или строгой опредѣленности въ выраженіяхъ, если, съ другой стороны, они проводятся въ крайней и рѣзкой формѣ, то всегда должно помнить, что предъ нами система не этики, а нравственной педагогики, что намъ приходится не излагать систему нравственнаго ученія, въ готовомъ видѣ данную въ твореніяхъ Климента, а возсоздавать ее: дѣло—не всегда легкое и вѣрное, требующее большой осторожности въ окончательныхъ

¹⁾ *Coh.* XI, 90.

²⁾ *Paed.* I. I. 97.

³⁾ *Ibid.* 7. 129.

⁴⁾ *Str.* VII. I. 828.

приговорахъ. Въ частности, при сужденіи о зависимости Кли-мента отъ философіи, не слѣдуетъ забывать, что миссіонерско-педагогическіе интересы побуждали александрійскаго катехета къ усиленному сближенію философскихъ ученій и понятій съ христіанскими. Исслѣдователи, произнося рѣшительные приговоры о Климентѣ какъ философѣ обычно не придаютъ должнаго значенія внѣшней формѣ, въ какой представлено его нравственное ученіе.

Если принять въ соображеніе все сказанное, то наиболѣе правильный взглядъ, который можно составить на философствованіе Климента на основаніи знакомства съ его твореніями, будетъ слѣдующій.—Установивъ принципы объединенія философіи съ Откровеніемъ, Климентъ твердо держится ихъ при научномъ изложеніи христіанскаго нравоученія: тѣ изъ философскихъ понятій онъ сближаетъ съ христіанскими, которыя имѣютъ дѣйствительное сродство съ послѣдними. Но такъ какъ, съ одной стороны, свое нравственное ученіе онъ излагаетъ въ формѣ нравственной педагогики и съ цѣлями характера практическаго, а съ другой, такъ какъ не все изъ области этики имѣло твердо опредѣленную норму въ ученіи Писанія,—чѣмъ давалась свобода и самостоятельнымъ изысканіямъ человѣческой мысли,—то въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего ученія Климентъ даетъ философскому элементу болѣе мѣста, чѣмъ надлежало бы по его же принципамъ.

Предлагаемая Климентомъ система нравственнаго воспитанія всецѣло зиждется на религіозной основѣ. Воспитателямъ христіанина является Божественный Логосъ, Который въ Coh. увѣщеваетъ, въ Paed. воспитываетъ и въ Str. учитъ и отъ имени Котораго Климентъ говоритъ въ своихъ твореніяхъ ¹⁾. Самое воспитаніе называется у христіанскаго философа богопочитаніемъ (θεοσεβεία), которое опредѣляется какъ «наука служенія Богу» ²⁾ или богоуподобленія ³⁾ ибо служить Богу и чтить Его можно не иначе, какъ подражая Ему ⁴⁾. Богопочитаніе можно разсматривать съ двухъ сторонъ: объективной и субъективной. По первой оно и есть именно «наука служенія Богу», или «назиданіе къ познанію истины», «пря-

¹⁾ Paed. I. 1. 99.

²⁾ Paed. I. 7. 129.

³⁾ Coh. IX, 71.

Ibid. XI. 90.

мое водительство къ небу» ¹⁾ Эта наука приписываетъ себѣ «соотвѣтствующаго Учителя—Бога», потому что она ставитъ своею задачею богоуподобленіе человѣка, а «одинъ только Богъ можетъ достойнымъ образомъ уподобить человѣка Богу» ²⁾ Учителемъ богопочитанія Богъ является чрезъ Своего Логоса ³⁾, ученіе Коего содержится въ Св. Писаніи, «по истинѣ священномъ, ибо оно дѣлаетъ человѣка священнымъ и Богомъ». ⁴⁾ По субъективной сторонѣ богопочитаніе тождественно съ нравственнымъ совершенствованіемъ христіанина, съ его преуспѣяніемъ въ добродѣтели, ибо истинными читателями Бога и подражателями Его являются всѣ добродѣтельные ⁵⁾. Связующимъ звеномъ между объективной и субъективной стороной служить вѣра, которая есть и даръ Божій ⁶⁾ и дѣло свободной воли человѣка ⁷⁾. Разсматриваемое по первой сторонѣ, богопочитаніе, какъ ученіе Самого Бога, неизмѣнно, само всегда себѣ равно и совершенно. Разсматриваемое же по сторонѣ субъективной, оно проходитъ различныя ступени совершенства, соотвѣтственно росту вѣры. Вѣра есть актъ свободнаго послушанія человѣка Богу т. е. актъ послушнаго воспріятія откровенныхъ истинъ и осуществленія ихъ въ жизни. И въ отношеніи своей свободы и побужденій, и въ отношеніи содержанія вѣра имѣетъ различныя ступени. Есть низшая ступень вѣры, или ступень вѣры въ тѣсномъ смыслѣ, и есть низшая ступень богопочитанія. Она характеризуется тѣмъ, что связь между объективною и субъективною стороною является внѣшнею: ученіе евангельское воспринимается и выполняется вѣрующимъ только по послушанію Божественному авторитету и по мотивамъ страха и надежды, а не по свободно-сознательному расположенію къ нему. Сообразно съ этимъ, и нравственное развитіе человѣка стоитъ на низшей ступени и уподобленіе его Богу проявляется въ формѣ начальной. Но есть и высшая ступень вѣры, называемая вѣдѣніемъ или гноссисомъ (γνώσις) и соотвѣтствующая ей ступень богопочитанія.

¹⁾ Paed. I. 7. 129.

²⁾ Coh. IX. 71; ср. I, 4.

³⁾ Str. II. 2. 433.

⁴⁾ Coh. IX, 71.

⁵⁾ Str. V. 14. 705; VII. 11. 870.

⁶⁾ Ibid. V. 13. 696.

⁷⁾ Ibid. IV. 24. 633.

Черезъ разумніе божественныхъ истинъ человѣкъ проникается любовью къ нравственному благу и виновнику его—Богу и, движимый только этою любовью, творить угодное Ему, а не по мотивамъ страха и надежды. На этой же ступени человѣкъ достигаетъ высшаго богоуподобленія, такъ что, по выраженію Климента, становится богомъ ¹⁾. Переходъ отъ простой вѣры къ гносису въ его высшемъ проявленіи совершается не вдругъ а постепенно. Въ словахъ: «правда Божія открывается въ немъ отъ вѣры въ вѣру (Римл. I, 17)» апостоль говоритъ не о двоякой, а объ одной, которая принимаетъ ростъ и усовершенствованіе ²⁾. Цѣлью богопочитанія, съ одной стороны, служить оно само, если разумѣть подъ нимъ нравственное совершенство человѣка: возможное уподобленіе Божественному Логосу—вотъ наша цѣль, и такъ какъ этому уподобленію нельзя положить границъ, то оно и называется цѣлью безконечной ³⁾. Но съ богопочитаніемъ или нравственнымъ совершенствомъ человѣка неразрывно соединено блаженство — въ видѣ «вѣчнаго упокоенія въ Богѣ» за гробомъ, а также — въ видѣ радостнаго и мирнаго душенастроенія здѣсь на землѣ: поэтому, съ другой стороны, цѣлью богопочитанія служить и понимаемое въ такомъ смыслѣ блаженство ⁴⁾.

Представленное въ такой общей схемѣ нравственное ученіе Климента не выходитъ за предѣлы Откровенія. Но когда Климентъ, раскрывая свое ученіе, начинаетъ пострять на этой откровенной основѣ зданіе не изъ христіанскаго только, но и изъ философскаго матеріала, онъ не ограничивается формальнымъ только пользованіемъ философіи. И причиною его уклоненія въ матеріальную зависимость отъ послѣдней служить не сознательное нарушеніе имъ установленныхъ принциповъ и не безсознательное увлеченіе, а (какъ было уже замѣчено), отсутствіе въ Св. Писаніи опредѣленной нормы при детальномъ раскрытіи нѣкоторыхъ пунктовъ христіанскаго міровоззрѣнія.

Вопросомъ, съ котораго естественнѣе всего начинать изло-

¹⁾ Str. IV. 23. 632.—въ смыслѣ словъ псалма 81, 6: „вы боги и сыны Вышняго всѣ“; ср. мѣста, собранныя въ соh. 88, пр. 7.

²⁾ Str. V. 1. 644.

³⁾ Ibid. II. 22. 500.

⁴⁾ Paed. I. 13. 160. II.—7; 203. Str. IV—23. 632.

женіе этики, служить вопросъ психологическаго характера: имѣеть ли человекъ въ своей природѣ задатки къ нравственному совершенствованію? Рѣшая этотъ вопросъ утвердительно, Климентъ указываетъ на откровенное ученіе о томъ, что человекъ созданъ по образу Божію. Не отступая отъ смысла откровеннаго же ученія, онъ утверждаетъ, что образъ Божій заключается въ разумѣ человека, надѣленномъ способностью познанія и свободной воли. Не опредѣляя отношеніе разума къ другимъ частямъ человѣческой природы, а равно отношеніе этихъ частей другъ къ другу и ихъ функціи, Климентъ уже сходитъ съ почвы откровеннаго ученія. И онъ невольно долженъ былъ сдѣлать это: Откровеніе въ этомъ случаѣ не предлагало опредѣленной доктрины, которая могла бы служить для христіанскаго философа нормою при установкѣ частныхъ пунктовъ его антропологіи. И Клименту, желавшему дать удобопонятное для современниковъ изъясненіе откровеннаго ученія о природѣ человека, естественно было воспользоваться тою философскою теоріею, которая была и наиболѣе распространенною въ его время и наиболѣе подходящею къ христіанскимъ воззрѣніямъ на душу и тѣло: это платоно-филоновское ученіе о человекѣ Климентъ переноситъ въ свою систему, поскольку находимъ соприкосновенные съ нимъ пункты въ Откровеніи и поскольку не видимъ въ послѣднемъ препятствій къ усвоенію его въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это представляется умѣстнымъ съ нашей точки зрѣнія. Здѣсь корень ученія объ апатіи. Умъ или разумный духъ характеризуется у Климента очевидно, подъ прямымъ вліяніемъ Филона, какъ существо простое, само съ собой тождественное и неизмѣнное и въ этомъ усматривается его богоподобіе ¹⁾. Противоположность разумному духу представляетъ духъ плотской — носитель измѣнчивыхъ, психо-физическихъ движеній, обозначаемыхъ словомъ *πάθη*, и противоположность эта, съ точки зрѣнія Филона не физическая только, а и моральная. Съ такими мыслями Климентъ сближаетъ встрѣчающіяся въ Писаніи мѣста объ антогонизмѣ между духомъ и грѣховною плотью (Гал. V, 17) ²⁾, гдѣ какъ будто бы подтверждался филоновскій взглядъ. Естественнымъ результатомъ изъ всей этой

¹⁾ Str. IV. 22. 627.

²⁾ Ibid. VI. 16. 808.

комбинаціи возрѣній является отрицательный взглядъ на все, обозначаемое терникомъ *πάθη* и идеализація апатіи. Названіе *πάθη* у Климента приписывается не только противоразумнымъ аффектамъ: печали, страху, похоти, возделѣнію, но и чувству удовольствія при удовлетвореніи физическихъ потребностей, и самымъ этимъ потребностямъ, и чувству радости ¹⁾, и все это признается за нѣчто несовершенное. — Богъ безстрастенъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ ²⁾, также и Христосъ ³⁾; таковъ же долженъ быть гностикъ на высшей ступени богоуподобленія ⁴⁾. — Это невольное уклоненіе въ сторону философской психологіи проходитъ затѣмъ красною нитью по всѣмъ существеннымъ пунктамъ Климентовой этики: вездѣ апатія играетъ видную роль.

Но въ общемъ Климентъ дѣлаетъ изъ философіи собственно формальное употребленіе, пользуясь ея терминами для выраженія христіанскихъ мыслей. Какъ эклектикъ, онъ заимствуетъ находящееся для него у различныхъ философовъ. Нѣтъ основаній говорить о зависимости его отъ какой-нибудь одной философской школы: онъ черпаетъ отвсюду. При этомъ, трудно иногда опредѣлить, непосредственно ли Климентъ беретъ извѣстное положеніе или выраженіе у какого-либо корифея философской мысли или чрезъ посредство другого — позднѣйшаго писателя; весьма возможно, конечно, что извѣстныя понятія и термины, обязанные происхожденіемъ своимъ какому-либо древнему философу, ко времени Климента вошли уже въ разговорный обиходъ интеллигентнаго класса и сдѣлались общимъ достояніемъ. Поэтому задаваться вопросами о родословіи заимствованнаго Климентомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возникаетъ подобное сомнѣніе, — не представляется ни полезнымъ ни необходимымъ. Цѣлесообразнѣе предварять изложеніе Климентова ученія обзоромъ главнѣйшихъ философскихъ ученій, которыя легли въ основу современныхъ Клименту опытовъ философствованія и которыя такъ или иначе отразились и на ученіи Климента. Въ виду этого авторъ книги, предлагаемой теперь на судъ просвѣщеннаго собранія, предъ изложеніемъ каждаго существеннаго пункта этики Климента

¹⁾ Ibid. II. 20. 491. VI. 9. 775; II. 16. 466.

²⁾ II. 18. 471. IV—23. 632; V. 11. 687.

³⁾ Ibid. VI. 9—775.

⁴⁾ Ibid. 777.

считалъ необходимымъ дѣлать небольшія экскурсіи въ философію Платона, Аристотеля, стоиковъ и Филона, чтобы съ одной стороны яснѣе отгѣнить, въ духѣ какихъ возрѣній излагается та или другая часть Климентова правоученія, а съ другой, и точнѣе установить степень зависимости христіанскаго философа отъ языческихъ.

Д. Миртовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки